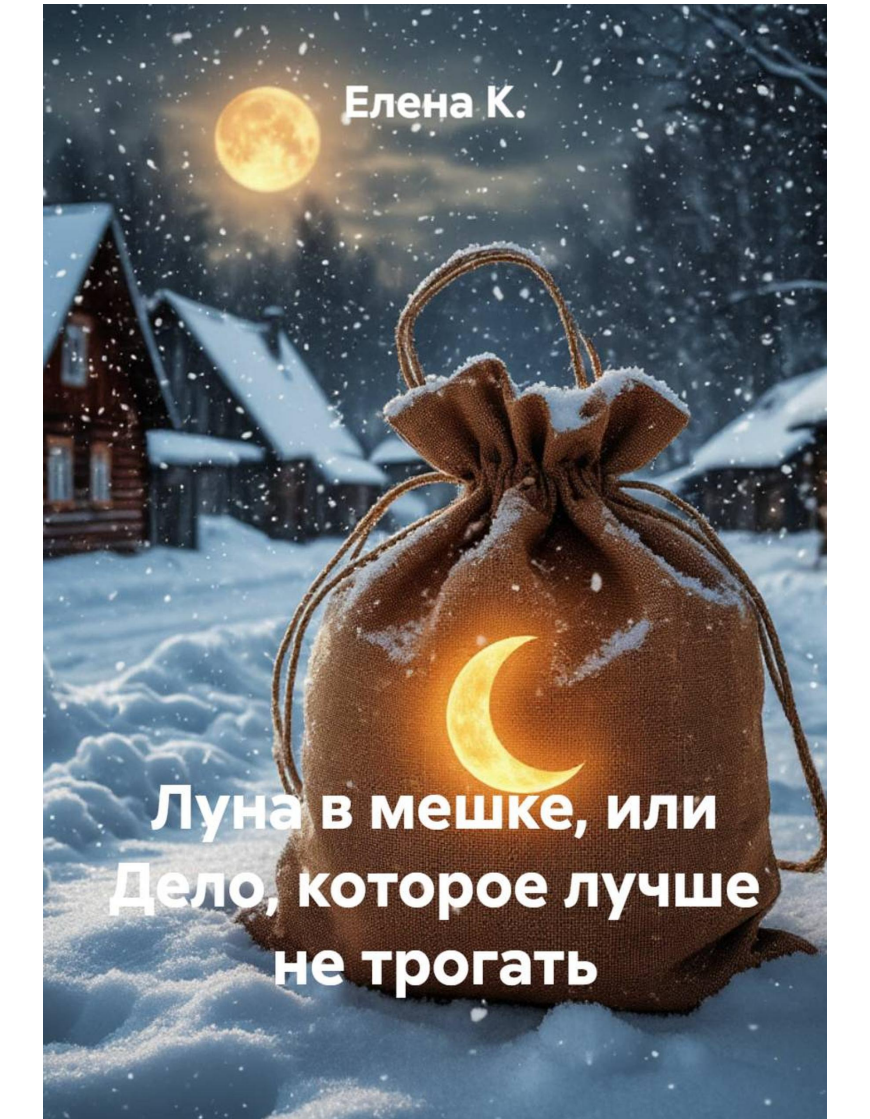

A magical winter night scene. In the foreground, a brown burlap sack sits on a snowy ground, dusted with snow. A glowing crescent moon is visible through a hole in the sack. In the background, snow-covered wooden houses are visible under a dark sky with a large, bright full moon and falling snow.

Елена К.

**Луна в мешке, или
Дело, которое лучше
не трогать**

Елена К.

**Луна в мешке, или Дело,
которое лучше не трогать**

<https://litres.ru/74194592>

SelfPub; 2026

Аннотация

В волшебном городе Ясноборе чудеса творят не заклинания, а простые человеческие чувства: умение выслушать, не торопить, просто побыть рядом. В сборнике сказок переплетаются уютное фэнтези и философские притчи: грозный Кощей учится беречь тишину, неугомонное Лихо собирает «разрешения на покой», а пекарь шепчет добрые слова тесту — и булки от этого становятся вкуснее. Особый шарм историям придаёт присутствие Эраста Фандорина: он ведёт «расследование доброты» и фиксирует в блокноте тихие «спасибо» и «прости», которые обычно остаются невысказанными. Это книга о том, что самый важный подвиг порой звучит как простое: «Я тут. Я с тобой».

Содержание

Глава 1. «Когда небо теряет»	4
Глава 2. «След из лунной пыли и пустых бочек»	9
Глава 3. «Полотно, паника и одна очень неловкая декорация»	17
Глава 4. «Местный Фандорин, или Искусство делать из мухи небесное тело»	25
Глава 5. «Кощеева коллекция, или Как вернуть луну и не устроить конец света»	34
Глава 6. «Кощей и дело о слишком наблюдательном артефакте»	44
Глава 8. «Фандорин и дело о человеке без плаща, или Когда стиль — это улика»	58
Глава 9. «Кощей и Дело о Слишком Идеальном Дне, или Как Порядок Чуть Не Съел Сам Себя»	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Елена К.

Луна в мешке, или Дело, которое лучше не трогать

Глава 1. «Когда небо теряет»

Ночь в Ясноборе выдалась на редкость тёмной. Не той уютной темнотой, когда звёзды рассыпаны по небу, как серебряные монеты, а тревожной, будто кто-то накинул на мир плотный чёрный платок и затянул узлы потуже.

На главной площади, у знаменитого пня — того самого, который все считали местом силы, хотя на деле это был просто старый пенёк с богатой биографией, — толпился народ. Люди перешёптывались, тыкали пальцами вверх и нервно кутались в плащи. Над городом висел не просто мрак — висела обида: будто небо обиделось на Яснобор и спрятало самое дорогое.

— Луны нет! — выкрикнул ночной сторож, размахивая фонарём так, будто хотел поджечь небо. — Кто-то её украл!

Толпа ахнула. Для Яснобора это было не просто астрономическое недоразумение — это была катастрофа государственного масштаба. Ведь именно сегодня Триединая Боги-

ня должна была провести ритуал «Гармонии Времен», чтобы сезоны шли своим чередом, а не устраивали в городе вечный октябрь или внезапный июль в январе. Без лунного света ритуал не сработает, а значит, огурцы не поспеют, реки могут забыть, куда им течь, а куры перестанут нестись от растерянности.

В трактире «У Варлаама» было шумно даже для обычного вечера. А уж для ночи, когда пропало небесное светило, тут и вовсе стоял такой гам, что, казалось, даже бочки с медовой вздрагивали и переглядывались.

За самым большим столом сидели те, кому по долгу службы (или по несчастливому стечению обстоятельств) предстояло разбираться с этой бедой.

Карна, вестница судьбы, сидела прямо, будто проглотила кочергу, и смотрела на всех так, словно каждый из присутствующих уже нарушил какой-то важный закон мироздания. Её взгляд был твёрд, как камень, и так же мало склонен к компромиссам.

— Это не случайность, — произнесла она своим низким, ровным голосом, от которого у некоторых по спине бежали мурашки. — Кто-то вмешался в ткань судьбы. Луна — не игрушка. Её нельзя просто взять и... убрать. Как будто это пуговица с кафтана, которую дёрнули и оторвали.

Триединая Богиня нервно теребила край своего платья — того самого, сшитого специально для ритуала. На нём были вышиты все времена года сразу: подснежники, пшеница,

опавшие листья и снежинки. Теперь Богиня выглядела так, будто вот-вот расплачется.

— Я столько готовилась! — прошептала она. — Я даже чай пила по лунному календарю! А теперь... теперь всё пойдёт наперекосяк. Весна может не наступить. Или наступит, но сразу в июле, и тогда огурцы не успеют вырасти, а капуста будет думать, что она зимний овощ!

Чур, дух-хранитель границ, достал из-за пазухи толстую тетрадь в кожаном переплёте и начал что-то быстро записывать, бормоча себе под нос:

— Надо составить акт. «Акт о пропаже небесного тела». Дата, время, свидетели... Кто-нибудь видел, как её снимали? Может, верёвку какую заметили? Или крюк? Или хотя бы следы сапог на облаке?

Варлаам Прибрежный, хозяин трактира, тяжело вздохнул и почесал бороду, в которой запутались крошки от пирога. Он смотрел на происходящее с видом человека, который уже сто раз всё предвидел, но никто его не слушал.

— Морские духи, — пророкотал он.

— Варлаам, — устало перебил его Мстислав Барон,правляя манжету с таким изяществом, будто даже в панике нужно сохранять достоинство. — Мы в трёх днях пути от ближайшего моря. Какое море?

— А духи не знают, — насупился Варлаам. — Они идут, куда хотят. Я знаю одну историю: однажды они украли солнце, потому что им было холодно. Пришлось целый день си-

деть в темноте и рассказывать сказки, чтобы их развеселить.

Мстислав Барон прикрыл глаза ладонью.

— Пожалуйста, не надо историй. Хотя бы до того, как мы найдём луну.

Тут в дверях, споткнувшись о порог, влетел Одноглазое Лихо. Оно виновато моргнуло единственным глазом, чуть не сбив кадку с засоленными грибами.

— Простите! Я не хотел! Просто тут так темно... я не видел, куда иду.

— Ты всегда не видишь, куда идёшь, — буркнул Чур, не отрываясь от акта. — Но обычно ты хотя бы не задеваешь небесные тела.

Лихо съёжилось.

— Может, это не я... может, луна сама ушла? Вдруг ей тут не нравилось?

Триединая Богиня всхлипнула.

— Ей тут нравилось! Я лично каждый месяц оставляла на краю неба блюдце с вареньем!

В этот момент в трактир вошёл Кощей. Он не спешил, двигался плавно, будто знал, что все взгляды всё равно будут прикованы к нему. В руках он держал маленький хрустальный пузырёк, в котором что-то слабо мерцало.

— Любопытно, — протянул он, оглядывая компанию. — Очень любопытно. Пропажа луны — дело тонкое. Это вам не иголку потерять. Иголку можно найти. А луну... её нужно понять.

Карна прищурилась.

— У тебя есть что-то, что ты не говоришь.

Кощей улыбнулся уголком рта.

— У меня всегда есть что-то, что я не говорю. В этом и прелесть.

Мстислав Барон тихо произнёс, глядя в пустоту перед собой:

— Иногда мне кажется, что нам бы сейчас спокойный сыщик, который просто задаёт вопросы и не ищет заговоров в каждом шорохе. Вроде тех, о ком рассказывают в историях про Фандорина.

— Заговоры бывают в каждом шорохе, — строго сказала Карна. — Просто не все их слышат.

В трактире повисла тишина, нарушаемая только тихим всхлипом Триединой Богини и шуршанием пера Чура, который дописывал: «...и на основании вышеизложенного, небесное тело считается пропавшим без вести, до выяснения обстоятельств».

А за окнами Яснобора ночь становилась всё темнее — будто город медленно проваливался в ту самую дыру, где исчезла луна.

Глава 2. «След из лунной пыли и пустых бочек»

Тишина в трактире «У Варлаама» повисла такая, что слышно было, как в дальнем углу мышь осторожно цокает когтями по половице. Все смотрели на Кощея, будто он только что пообещал достать луну из кармана — и половина присутствующих одновременно надеялась, что он это сделает, а другая боялась, что именно так всё и случится.

— И что ты имеешь в виду под «нужно понять»? — холодно спросила Карна. — Луна либо есть, либо её нет. Это не загадка, это факт.

Кощей чуть склонил голову, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на удовольствие — будто ему наконец-то задали правильный вопрос.

— Факт — это то, что небо пустое, — сказал он. — А вот причина пустоты — уже загадка. И знаешь, что самое интересное? В моей коллекции как раз не хватает одного предмета... небесного происхождения. Но я его не брал.

Мстислав Барон тихо вздохнул, поправил манжету и спокойно произнёс:

— Давайте не будем начинать расследование с взаимных подозрений. Сначала — факты. Чур, у тебя есть хоть что-то,

что можно считать фактом?

Чур, не отрываясь от своего акта, буркнул:

— Есть. В реестре границ зафиксировано: в момент пропажи луны толщина завесы между мирами упала до критического значения. Кто-то открыл проход. Или он сам открылся. Но это не по уставу.

Триединая Богиня всхлипнула:

— А вдруг это я виновата? Вдруг мой ритуал должен был укрепить завесу, а без луны она просто... рассыпалась?

Карна на секунду смягчилась — настолько, насколько вообще могла смягчиться вестница судьбы.

— Мы не знаем этого наверняка. Пока мы знаем только одно: нужно двигаться.

— Тогда куда? — спросил Мстислав. — У нас нет ни следа, ни свидетеля, ни даже лунной крошки.

Тут Лихо, которое до этого старалось сидеть тише мыши (что для него было подвигом), робко подняло руку:

— Я... я видел кое-что. Возле реки. Там стояли бочки. И одна из них... она как будто светилась. Совсем чуть-чуть. Как будто внутри была не медовуха, а кусочек неба.

Все повернулись к Варлааму.

Тот развёл руками:

— У меня все бочки обычные! Ну, почти. Одна, правда, с настоящим «для ясности мысли», но он скорее заставляет видеть узоры на стенах, чем светиться.

— Пойдём к реке, — решительно сказала Карна. — Если

там был след, он ещё не остыл.

Ночной Яснобор казался чужим. Улицы, днём шумные и суетливые, теперь выглядели так, будто кто-то стёр с них все краски. Даже фонари горели как-то неуверенно, будто боялись, что темнота обидится и поглотит их.

Группа двигалась по кривым переулкам: впереди — Карна, прямая, как стрела; рядом — Чур, который на ходу сверялся с каким-то своим внутренним компасом; за ними — Триединая Богиня, кутававшаяся в плащ так, будто холод шёл не от ветра, а прямо из пустоты на небе; следом — Мстислав, сохранявший безупречную осанку, даже когда спотыкался о торчащую доску; Варлаам, который то и дело оборачивался, будто ждал, что из темноты выскочит морской дух и скажет: «Ну вот, я же говорил!»; Кощей, шагавший так бесшумно, что казалось, он не идёт, а перетекает из тени в тень; и в самом конце — Лихо, которое старалось не задевать ничего, но всё равно цепляло то забор, то вывеску, то чью-то бельевую верёвку.

— Тихо, — вдруг остановилась Карна. — Слышите?

Все замерли. Из темноты доносился странный звук — не шёпот, не шаги, а будто кто-то очень старательно пытался не шуметь и именно поэтому шумел в десять раз сильнее.

— Кто там? — громко и строго спросила Карна.

Из-за угла медленно вышел пекарь — в колпаке, с мешком через плечо и с таким виноватым видом, будто его поймали не за подслушиванием, а за тем, что он съел все пряники до

праздника.

— Я... я просто шёл домой, — пролепетал он.

— В три часа ночи? — приподнял бровь Мстислав.

— Ну... тесто не поднимается без ночной тишины. Оно чувствует суету.

Чур тут же достал тетрадь:

— Вы находились в районе реки в момент пропажи луны?

Пекарь побледнел:

— Может, и находился. Я иногда хожу к воде подумать о муке. Это успокаивает.

Кощей наклонился к нему и тихо спросил:

— А не видел ли ты чего-нибудь странного? Может, кто-то нёс мешок размером с луну?

— Нет! — поспешно ответил пекарь. — Но я видел, как кто-то прятал что-то в бочке. Только я не знаю, что. И не знаю, кто.

— Описание? — деловито спросил Мстислав.

— Ну... высокий. Или не высокий. В плаще. Или без плаща. В общем, обычный человек.

Карна прикрыла глаза.

— Это нам не помогает.

Но Лихо вдруг встрепенулось:

— А я помню! У него была пуговица. Большая, медная. С узором, как на воротах у князя.

Варлаам хлопнул себя по лбу:

— Так это же помощник скомороха! Он вечно всё теряет,

а потом находит в самых странных местах. И у него как раз такой кафтан!

— Веди, — коротко бросила Карна.

Бочки у реки стояли в ряд, как молчаливые стражи. Одна из них и правда слабо мерцала — не ярко, а так, будто внутри прятался отсвет далёкой звезды.

Чур подошёл, осторожно постучал по дереву и прислушался.

— Пусто, — сказал он. — Но запах... не медовуха. Пахнет озоном и старым пергаментом.

Кощей присел на корточки, провёл рукой по поверхности бочки и вдруг улыбнулся:

— Здесь было заклинание. Временное. Оно скрывало что-то внутри, а потом рассеялось.

— Значит, мы опоздали, — тихо сказала Триединая Богиня.

— Или как раз вовремя, — возразил Мстислав. — След ещё тёплый.

Лихо, не удержавшись, потянуло руку к бочке, чтобы потрогать мерцание.

— Не трогай! — хором крикнули сразу трое.

Лихо отдёргнуло руку и виновато моргнуло:

— Простите... я просто хотел помочь.

В этот момент из темноты раздался голос:

— Ну что, нашли что-нибудь интересное?

На тропинке стоял скоморох — в ярком кафтане, с бубен-

цами на сапогах и с такой широкой улыбкой, будто он знал все секреты города и считал их отличными шутками.

— Ты знал про бочку, — утвердительно сказала Карна, а не спросила.

Скоморох пожал плечами:

— Знал. Но не я её туда поставил. Мне просто сказали: «Подержи немного, это для сюрприза». А какой сюрприз — не сказали.

— Кто сказал? — спросил Мстислав, и в его голосе впервые прозвучала сталь.

— Да так... один человек. В плаще. С медной пуговицей.

Пекарь тихо прошептал:

— Вот видите? Я же говорил, что это обычный человек!

Карна посмотрела на скомороха так, что даже бубенцы на его сапогах будто притихли.

— Где он сейчас?

Скоморох почесал нос:

— Наверное, на театральной площади. Он хотел проверить, как висит полотно. То самое, которое должно изображать небо.

Театральная площадь встретила их тишиной и гигантским полотном, натянутым между столбами. На нём были нарисованы звёзды, луна и даже маленькая комета, которая, судя по всему, должна была падать в нужный момент.

— Слишком реалистично, — пробормотал Чур, глядя на полотно. — Слишком много деталей.

— А луна здесь какая-то... знакомая, — задумчиво сказала Триединая Богиня. — Как будто я её уже видела. Не на небе, а где-то ещё.

Кощей медленно обошёл полотно, провёл пальцами по краю и вдруг замер.

— Ткань не простая, — прошептал он. — Это лунный шёлк. Редкая вещь. Стоит целое состояние. И используется только для одного: чтобы скрывать настоящие небесные тела.

Мстислав посмотрел на Карну:

— Получается, луна не исчезла. Её просто... завесили.

Карна кивнула, и в её глазах вспыхнул холодный огонь:

— Теперь мы знаем, где искать. Осталось понять — кто и зачем.

И в этот момент с дальнего конца площади донёсся грохот, звон разбитого стекла и виноватое:

— Простите! Я не хотел!

Лихо снова что-то опрокинуло. На этот раз — целую стойку с декорациями.

Варлаам тяжело вздохнул:

— Ну вот. А я только начал верить, что ночь пройдёт спокойно.

А Мстислав тихо, почти про себя, снова произнёс:

— Эх, сейчас бы Фандорина... он бы просто спросил у всех по одному вопросу — и всё стало бы ясно.

Карна покосилась на него:

— Иногда одного вопроса недостаточно. Иногда нужно сначала не дать миру развалиться.

И, не дожидаясь остальных, пошла вперёд — туда, где за полотном пряталась тайна Яснобора.

Глава 3. «Полотно, паника и одна очень неловкая декорация»

Театральная площадь выглядела так, будто кто-то решил устроить небесный маскарад и забыл предупредить город. Полотно с нарисованной луной висело ровно, величественно и при этом подозрительно — словно знало, что на него все пялятся, и старалось держаться достойно.

Чур подошёл к нему, достал из-за пазухи маленькую линейку и начал измерять край полотна с видом величайшей серьёзности.

— Длина — три сажени. Ширина — две с половиной. Фактура — лунный шёлк, как и сказано. Но вот крепление... — он нахмурился и потыкал пальцем в узел. — Это не по уставу. Узел неправильный. Такой узел не удержит даже платок, не то что небо.

— Может, он и не должен был удерживать, — задумчиво протянул Кощей, разглядывая полотно так, будто пытался прочесть в узорах судьбу города. — Может, он должен был просто отвлечь.

Триединая Богиня прижала ладони к щекам:

— Отвлечь от чего?! От луны?! Да она же самая главная! Без неё времена года... они... они начнут ссориться! Весна

скажет осени: «Ты слишком рано пришла!», а осень ответит: «А ты слишком долго не уходишь!» И всё, конец порядку!

Мстислав Барон вздохнул и тихо пробормотал:

— Иногда мне кажется, что времена года и так ссорятся. Просто раньше мы этого не замечали.

Карна строго посмотрела на него:

— Сейчас не время для философии.

— А когда время? — парировал Мстислав. — Когда луна вернётся? Или когда Лихо уронит на кого-нибудь декорацию?

В этот момент Лихо, которое старалось стоять смирно и не дышать, всё-таки задело локтем стойку с бутафорскими звёздами. Стойка покачнулась, звёзды посыпались, как конфетти на празднике, который никто не устраивал.

— Простите! — запищало Лихо, пытаясь поймать падающую звезду размером с тарелку. — Я не хотел! Просто тут так тесно, а я такой... заметный!

— Ты не заметный, — буркнул Варлаам, поднимая одну из звёзд. — Ты катастрофический.

Лихо печально моргнуло единственным глазом:

— Спасибо, что хоть честно.

Кощей хмыкнул:

— Знаешь, в моей коллекции есть один артефакт — «невидимый плащ». Но я его никому не даю. Боюсь, что тот, кто его наденет, станет слишком незаметным, и я забуду, что он вообще существует.

— Как будто это плохо, — пробормотал Мстислав.

Пока они спорили, Чур закончил свои измерения и торжественно объявил:

— Вывод: полотно не могло скрыть настоящую луну. Оно слишком лёгкое. Для такого заклинания нужен якорь. Что-то тяжёлое, материальное. Камень. Или... бочка.

— Бочка! — хором воскликнули пекарь и Варлаам.

Пекарь всплеснул руками:

— Так вот почему тесто не поднималось! Оно чувствовало, что в бочке не медовуха, а небесное тело!

Варлаам схватился за голову:

— Моя бочка! Моя любимая бочка из дуба столетнего! Если она теперь проклята, я не переживу!

— Она не проклята, — успокоил его Чур. — Просто временно участвовала в нарушении границ реальности. Это поправимо.

— Для тебя поправимо, — ворчал Варлаам. — А мне теперь гостям объяснять, почему у медовухи привкус звёздного неба.

Тут Триединая Богиня вдруг замерла, уставившись на полотно:

— Подождите... а луна-то на картине... она подмигивает!

Все повернулись. И правда: нарисованная луна на полотне едва заметно дрогнула, будто пыталась моргнуть, но у неё не очень получалось.

— Это ветер, — деловито сказал Чур.

— Это магия, — возразила Богиня.

— Это плохо натянутая ткань, — вздохнул Мстислав.

Кощей наклонился ближе, прищурился:

— Или это полотно живое. Бывает такое: лунный шёлк впитывает эмоции. Если кто-то сильно хотел, чтобы луна исчезла, ткань могла это почувствовать... и подыграть.

— То есть луна пропала, потому что кто-то очень этого хотел? — уточнила Карна.

— Примерно так, — кивнул Кощей. — Магия — она ведь не только в заклинаниях. Она ещё в желании.

— Тогда понятно, — буркнул Варлаам. — У меня сосед каждую ночь жалуется, что луна светит ему прямо в окно. Говорит, мешает спать. Может, это он её... загадал?

— Загадать луну — это не пирожок заказать, — строго сказала Карна. — Для этого нужна сила.

— Или очень сильное раздражение, — тихо добавил Мстислав.

В этот момент из-за кулис выскочил помощник скомороха — тот самый, с медной пуговицей. Он был бледен, дёрган и держал в руках свиток, который трясся так, будто хотел сбежать первым.

— Я всё скажу! — выкрикнул он. — Только не смотрите на меня так! Особенно ты, вестница судьбы! У меня от твоего взгляда мурашки бегут туда, где мурашек быть не должно!

Карна даже не моргнула:

— Говори.

Помощник сглотнул:

— Мне сказали поддержать бочку. Просто поддержать! А потом сказали повесить полотно. А потом... потом я услышал, как луна в бочке... вздохнула.

— Луна вздохнула? — переспросила Триединая Богиня.

— Как человек?

— Ну... не совсем. Скорее как тесто, когда его обминают.

Пекарь тут же встрепнулся:

— Ага! Значит, я был прав! Луна — это как большой небесный пирог! Её надо иногда обминать, чтобы не перестояла!

Мстислав прикрыл лицо ладонью:

— Мы расследуем исчезновение луны, а у нас уже есть теория о том, что её надо обминать.

Кощей задумчиво потёр подбородок:

— В этом есть своя логика. Небесные тела — они ведь тоже подвержены... кулинарным метафорам.

— Никто не подвержен кулинарным метафорам! — рявкнула Карна. — Говори дальше, помощник!

Тот снова сглотнул:

— Тот человек... он сказал, что это для сюрприза. Большой сюрприз для города. Чтобы все удивились.

— Удивились — это точно, — пробурчал Чур, делая пометку в тетради: «Сюрприз: пропажа луны. Оценка: неудовлетворительно».

— Кто он такой? — спросил Мстислав, стараясь говорить

спокойно, будто расспрашивал о погоде.

— Не знаю! — всхлипнул помощник. — Он был в плаще. И говорил шёпотом. И ещё... он всё время оглядывался, как будто боялся, что его увидит собственная тень.

— Очень точное описание подозреваемого, — саркастически заметил Мстислав.

— Зато честное! — обиделся помощник.

Тут Лихо, которое до этого старалось не отбрасывать тень, вдруг встрепенулось:

— А я знаю, кто это! Ну, почти. У нас в переулке живёт один человек... он всегда ходит в плаще, даже летом. И говорит шёпотом, потому что считает, что так звучит загадочнее.

— И как его зовут? — спросила Карна, уже предчувствуя, что ответ ей не понравится.

— Эраст... ну, вроде как Фандорин. Только местный. Он всем так представляется.

На площади повисла тишина. Потом Мстислав медленно произнёс:

— Местный Фандорин? В Ясноборе?

— Ну да, — кивнуло Лихо. — Он ещё говорит: «Тут что-то нечисто», даже когда просто проливает квас.

Варлаам хлопнул себя по колену:

— Точно! Это он! Я его видел у бочки! Он всё ходил вокруг и бормотал: «Интрига... интрига...»

— Значит, идём к местному Фандорину, — решительно сказала Карна. — И на этот раз без лишних историй, Варла-

ам.

— Без историй неинтересно, — насупился Варлаам. — Но ладно. Ради луны... хотя бы одну короткую расскажу.

— Ни одной! — хором рявкнули все.

Даже Лихо согласно кивнуло.

Дом местного «Фандорина» стоял на окраине, тихий, аккуратный и какой-то слишком внимательный, будто сам дом прислушивался к каждому шороху. На двери висела табличка: «Не стучать громко — идёт размышление о тайнах мира».

Карна постучала так, что табличка звякнула и чуть не упала.

Дверь приоткрылась, и в щели показалось лицо — бледное, с внимательными глазами и в шляпе, которую явно носили для загадочности.

— Да? — произнёс хозяин дома шёпотом, хотя вокруг никого не было. — Что-то нечисто?

— Луна пропала, — коротко сказала Карна.

Человек в шляпе побледнел ещё сильнее:

— О... это серьёзно. Это очень серьёзно. Тут определённо замешаны тёмные силы. Или... или просто кто-то плохо закрепил небо.

Мстислав тихо вздохнул:

— Кажется, мы нашли того, кто хотел сюрприза.

А Лихо виновато моргнуло и едва слышно прошептало:

— Простите, если это я его вдохновил... я как-то сказал,

что было бы забавно, если бы луна исчезла на пять минут.
Просто чтобы все удивились.

Карна медленно повернулась к Лихо:

— На пять минут?

— Ну... я не думал, что получится так надолго!

Глава 4. «Местный Фандорин, или Искусство делать из мухи небесное тело»

Дом местного «Фандорина» и правда выглядел так, будто в нём каждую минуту раскрывают заговор. Даже ставни косились на гостей с подозрением.

— Тут что-то нечисто, — прошептал хозяин дома, едва приоткрыв дверь. И тут же добавил громче: — Но я ни при чём! Я просто размышлял о судьбах мира!

Карна посмотрела на него так, что даже тень за его спиной попятилась.

— Луна пропала.

Местный Фандорин побледнел, схватился за шляпу, будто она могла улететь, и прошептал:

— О... это высший уровень интриги. Это не просто пропадажа. Это... заявление.

Мстислав Барон устало поправил манжету:

— Скажите честно: вы подговорили кого-то спрятать луну, чтобы устроить «сюрприз»?

— Никогда! — возмутился Фандорин. — Я не организатор. Я наблюдатель. Моя задача — замечать несоответствия. Например, сегодня утром петух пропел на три минуты рань-

ше обычного. Это тревожный знак!

Пекарь тут же вострепнулся:

— А я говорил! Петух чувствует небесные ритмы! Если петух сбился, значит, луна уже тогда собиралась уйти!

Чур достал тетрадь и записал: «Петух — свидетель. Допросить отдельно».

Триединая Богиня всхлипнула:

— Если времена года сойдут с ума, капуста перестанет дружить с морковью! А без их дружбы у нас не будет винегрета!

Кощей, который до этого молча изучал дверной косяк (будто в трещинах была зашифрована истина), вдруг произнёс:

— Знаете, что самое подозрительное в этом доме?

Все замерли.

— На полке стоит книга «Как не привлекать внимания». Причём она лежит вверх ногами. Это либо крайняя степень небрежности, либо гениальная маскировка.

Фандорин нервно сглотнул:

— Я... я просто хотел, чтобы никто не догадался, что я её читаю.

Лихо виновато моргнуло:

— Простите... но я, кажется, всё-таки виноват. Я вчера сказал: «Вот бы луна исчезла на пять минут, чтобы все удивились». А потом я уронил мешок с мукой, и мука взлетела, и получилось как будто маленькое облако, и я подумал: «О,

красиво!» И, наверное, Вселенная меня услышала.

На секунду воцарилась тишина. Потом Карна медленно произнесла:

— Вселенная не исполняет желания через опрокинутую муку.

— Но она могла подумать, что это ритуал! — возразило Лихо. — У нас в Ясноборе любая неловкость иногда становится ритуалом. В прошлом году я споткнулся на празднике урожая, и все решили, что это танец. И теперь я обязан его повторять каждый год.

Варлаам тяжело вздохнул:

— Это был позорный танец. Но город его полюбил.

Мстислав посмотрел на Фандорина:

— Вернёмся к делу. Вы видели кого-нибудь подозрительного? Кого-то, кто слишком интересовался небом?

— Да! — выпалил Фандорин. — Кузнец! Он всё время жаловался, что луна светит ему в окно и мешает ковать ночные тайны.

— «Ковать ночные тайны»? — переспросил Чур, записывая. — Это профессиональный термин?

— Это поэтическое выражение! — огрызнулся Фандорин. — Но в нём скрыта истина!

Кузнец жил на окраине, в доме, который выглядел так, будто сам был выкован из железа: тяжёлые ставни, кованные петли и даже почтовый ящик был сделан в виде сердитого льва, который, казалось, мог укусить письмо за плохую но-

вость.

Когда компания подошла к воротам, изнутри донёлся грохот, звон и крик:

— Проклятье! Опять не то!

Карна постучала так, что лев на почтовом ящике вздрогнул.

Дверь распахнулась, и на пороге возник кузнец — в кожаном фартуке, с молотом в руке и с таким видом, будто он только что пытался выковать ответ на главный вопрос жизни, но опять получилась подкова.

— Чего надо? — буркнул он.

— Луна пропала, — коротко сказала Карна.

Кузнец замер. Потом медленно опустил молот. Потом посмотрел на небо. Потом снова на Карну.

— Так вот почему стало темно! А я думал, у меня в кузнице лампочка перегорела.

В этот момент Лихо, стараясь не задеть ничего железного (что для него было подвигом), робко спросило:

— Вы... не прятали её, чтобы поспать?

Кузнец фыркнул:

— Спать? Да я сплю с открытыми глазами, потому что боюсь, что пока я сплю, кто-нибудь украдёт мои щипцы! У меня уже три пары щипцов пропали! А вы мне про луну!

— Три пары щипцов, — задумчиво повторил Чур. — Это подозрительно.

— Это быт! — рявкнул кузнец. — Быт съедает инстру-

менты!

Кощей наклонился к кузнецу и тихо спросил:

— А не видели ли вы чего-нибудь странного? Может, кто-то носил мешок размером с небесное тело?

— Видел! — вдруг сказал кузнец. — Вчера вечером. Человек в плаще. Шёл быстро. И мешок у него... ну, он как будто светился изнутри.

У всех перехватило дыхание.

— Описание! — скомандовала Карна.

— Ну... высокий. Или не очень. В плаще. И... у него была медная пуговица. Большая такая. С узором.

Пекарь всплеснул руками:

— Опять пуговица! Это уже не совпадение! Это улика!

Мстислав прикрыл глаза ладонью:

— Улика в виде пуговицы. Мы расследуем исчезновение луны, а наша главная улика — пуговица.

— Пуговицы многое говорят о человеке, — строго сказал Чур. — По пуговице можно определить социальный статус, материальное положение, склонность к театральности...

— И любовь к тяжёлым плащам, — буркнул Варлаам.

Пока они спорили, Лихо тихонько отошло к углу кузницы и вдруг замерло.

— Ребята... — прошептало оно. — Тут ещё одна улика.

Все обернулись. В углу, наполовину прикрытая мешковиной, стояла... бочка. Та самая. И она едва заметно мерцала.

Чур подбежал к ней, постучал, прислушался, потом осто-

рожно приподнял мешковину.

— Пусто, — сказал он. — Но магия ещё держится. Это та самая бочка.

Триединая Богиня прижала руки к груди:

— Значит, луна была здесь!

Кощей провёл рукой над бочкой, и в воздухе вспыхнули тонкие серебристые нити — словно невидимая паутина, оставленная заклинанием.

— Следы ведут отсюда, — пробормотал он. — И они свежие.

Карна повернулась к кузнецу:

— Кто принёс бочку?

Кузнец почесал затылок:

— Да тот самый человек в плаще. Попросил: «Подержи немного, это для сюрприза». Я и подержал. Думал, там подковы.

— Подковы не светятся, — сухо заметила Карна.

— Эти могли! — возразил кузнец. — У меня есть одна экспериментальная партия...

Мстислав тихо произнёс:

— Нам нужно идти по следу. Прямо сейчас.

И тут Лихо, которое уже приготовилось бежать первым (и, скорее всего, упасть первым), вдруг замерло и сказала:

— Подождите... А если мы пойдём по следу, а он приведёт нас к кому-то, кто... ну... страшнее нас?

— Мы и так страшнее всех, — успокоила его Карна. — У

нас есть Чур с его актами, Кощей с его коллекцией, Варлаам с его историями, которые могут усыпить врага, и Мстислав, который одним взглядом возвращает людям чувство такта.

Мстислав слегка поклонился:

— Стараюсь.

Кощей улыбнулся уголком рта:

— А ещё у нас есть Лихо. Оно может случайно уронить что-нибудь на злодея. Иногда это самое эффективное оружие.

Лихо гордо выпрямилось:

— Правда?

— Правда, — кивнула Карна. — Но постарайся не уронить на нас.

След из серебристых нитей вёл через весь город — мимо пекарни (пекарь помахал им из окна: «Если найдёте луну, скажите ей, что тесто скучает!»), мимо трактира (Варлаам крикнул с крыльца: «Если будет драка, зовите меня! У меня есть половник!»), через Театральную площадь, где полотно с нарисованной луной теперь казалось зловещим, будто оно само смеялось над их усилиями.

А потом след оборвался у старого склада на окраине — тёмного, скрипучего, с вывеской «Не входить: тут хранится прошлое Яснобора».

Карна остановилась, посмотрела на остальных и сказала:

— Здесь заканчивается след. И начинается самое интересное.

Мстислав поправил манжету, будто собирался не в заброшенный склад, а на приём к королю:

— После вас, вестница судьбы.

— Нет, — покачала головой Карна. — Мы пойдём вместе. Они шагнули вперёд. Дверь со скрипом приоткрылась сама, будто ждала их.

Внутри было темно. Но в самой середине склада, на деревянном ящике, лежал предмет, от которого исходило слабое серебристое сияние.

Это была... пуговица. Та самая. Медная. С узором, похожим на миниатюрное солнце.

Рядом с ней лежала записка. Чур осторожно поднял её и прочитал вслух:

«Сюрприз не удался. Простите. Но я должен был попробовать. Мир слишком предсказуем».

Кощей хмыкнул:

— Предсказуемость — это иллюзия. А вот пропавшая луна — это факт.

Мстислав тихо произнёс:

— Теперь мы знаем: это не кража. Это эксперимент. Кто-то хотел проверить, как мир отреагирует на исчезновение луны.

Карна сжала кулаки:

— И мы найдём этого экспериментатора. Даже если придётся перевернуть весь Яснобор.

В этот момент из темноты раздался голос:

— Не надо переворачивать. Я сам выйду.

Из тени шагнула фигура в плаще. Лицо было скрыто капюшоном. Но когда человек откинул его, все ахнули.

Это был... помощник скомороха. Тот самый, с медной пуговицей.

Он посмотрел на них, сглотнул и прошептал:

— Я правда хотел просто удивить город...

Лихо шагнуло вперёд и мягко сказала:

— Прости. Но в следующий раз удивляй чем-нибудь поменьше. Например, новым способом завязывать шнурки.

Помощник всхлипнул:

— Обещаю.

А Карна, глядя на него, вдруг чуть смягчила голос:

— Сначала верни луну. Потом будем обсуждать шнурки.

Глава 5. «Кощеева коллекция, или Как вернуть луну и не устроить конец света»

Помощник скомороха всхлипнул и сполз по стенке склада, будто хотел просочиться сквозь доски и оказаться где-нибудь в тёплом месте — например, в печи у пекаря (но только не в горячей, а в той, где хранят старые рецепты).

— Я не злодей! — пропищал он. — Я просто хотел, чтобы все сказали: «Ого! Какой сюрприз!» А потом: «Какой ты талантливый!» А теперь все говорят: «Где луна?!»

Лихо тут же плюхнулось рядом, обняло его (чуть не сбив с него кафтан) и зашептало:

— Не переживай. В Ясноборе даже злодейство иногда считают видом искусства. Если сильно постараться, тебя могут даже на праздник пригласить.

— Только если ты вернёшь луну до праздника, — строго сказала Карна. — Иначе вместо «ура» будет «караул».

Мстислав Барон вздохнул, поправил манжету и спокойно произнёс:

— Итак, у нас есть преступник-энтузиаст, пустая бочка, мерцающая пуговица и чувство надвигающейся катастрофы. Чего у нас нет?

— Решения, — буркнул Варлаам. — И медовухи. Но второе сейчас менее важно.

Кощей, который до этого молча изучал пыльный угол склада так, будто в паутине была зашифрована карта спасения мира, вдруг выпрямился. В его глазах мелькнуло то самое выражение, которое появляется у коллекционеров, когда они понимают, что наконец-то нашли недостающий экспонат — пусть даже этот экспонат может уничтожить город.

— У меня есть идея, — протянул он. — В моей коллекции есть один предмет. Он не для красоты. Он... стабилизирующий.

Чур тут же насторожился:

— Что значит «стабилизирующий»? Это не тот, после которого река потекла вспять, а куры начали нести квадратные яйца?

Кощей слегка прищурился:

— То был другой предмет. А этот — надёжный. Почти.

Триединая Богиня схватила за голову:

— «Почти» — это не то слово, которое хочется слышать, когда речь идёт о судьбе луны!

— Зато честно, — парировал Кощей. — В магии вообще мало стопроцентных гарантий. Зато много красивых коробочек.

Мстислав посмотрел на него с лёгким скепсисом:

— И где эта коробочка?

— Дома, — просто ответил Кощей.

На складе повисла тишина. Потом Варлаам медленно произнёс:

— Ты хочешь сказать, что у тебя в коллекции лежит вещь, которая может спасти луну, и она... дома?

— Ну да, — пожал плечами Кощей. — Я же не ношу с собой всё подряд. У меня там есть ещё «зеркало, которое показывает только плохие новости» и «часы, которые идут назад, когда им грустно». Если бы я таскал всё это с собой, меня бы в трактир не пускали.

Карна закрыла глаза, будто пыталась сосчитать до десяти, но сразу перескочила на сто.

— Веди. Быстро.

Дом Кощея в Ясноборе был таким, что даже тени старались обходить его стороной — не из страха, а из уважения к стилю. Высокий, узкий, с окнами, которые выглядели так, будто видели слишком многое, и скрипучей дверью, которая каждый раз вздыхала, когда её открывали.

Внутри было... много. Очень много. Полки ломились от шкатулок, пузырьков, свитков и предметов, назначение которых лучше было не выяснять. На стене висел портрет кого-то очень серьёзного, который смотрел так, будто знал, что ты взял без спроса одну маленькую загадочную вещицу и теперь тебе стыдно.

Кощей прошёлся между стеллажами, бормоча себе под нос:

— Так... «пыль забвения» — не то. «Ключ от двери, ко-

торой нет» — тоже не то. Ага! Вот!

Он достал с верхней полки небольшую коробочку из тёмного дерева, украшенную витиеватой резьбой. На крышке была выжжена надпись: «Не открывать без крайней необходимости. Крайняя необходимость — это когда мир уже почти рухнул, но ещё можно успеть выпить чаю».

Чур, который записывал всё подряд, тут же вписал: «Коробочка: подозрительная, но с чувством юмора».

— Это «Стабилизатор небесных тел» версия 3.0, — объявил Кощей, открывая коробочку с таким видом, будто доставал из неё не артефакт, а очень капризного кота. — Работает на принципе «вернуть всё как было», но с оговорками.

— Какими оговорками? — уточнила Карна, и голос её звучал так, что даже пылинки в воздухе замерли от напряжения.

— Ну... иногда «как было» — это не совсем то, что ты помнишь. Например, в прошлый раз, когда я его тестировал на падающей звезде, она вернулась, но... в виде конфетти.

Пекарь тут же восторженно воскликнул:

— Конфетти из звезды? Это же чудо! Можно было бы на праздники использовать!

— Нельзя, — сухо сказала Карна. — Мы не устраиваем праздники ценой космоса.

Кощей кивнул:

— Согласен. Поэтому в этот раз будем действовать аккуратно.

Он достал из коробочки небольшой кристалл, прозрачный, с тонкими серебристыми прожилками, которые пульсировали, будто внутри билось крошечное сердце.

— Его нужно активировать, — объяснил Кощей. — Для этого требуется три компонента: капля лунной росы, слово правды и... ну, и немного удачи.

— Лунная роса, — задумчиво повторил Мстислав. — Где мы её возьмём, если луны нет?

Кощей улыбнулся:

— В моей коллекции есть пузырёк. С прошлого полнолуния. Я собираю такие вещи. На всякий случай.

Варлаам тяжело вздохнул:

— На всякий случай у тебя половина склада.

— Именно поэтому мы сейчас не в панике, — спокойно ответил Кощей. Пока Кощей доставал пузырёк, Лихо, стараясь быть полезным, бродило между полок и случайно (а может, и не случайно) задело локтем одну из шкапулок. Шкапулка упала, крышка отскочила, и оттуда выкатился маленький металлический шарик. Он покатился по полу, звякнул и замер у ног помощника скомороха.

Тот наклонился, чтобы поднять его, и тут же отдёргнул руку:

— Ой! Он тёплый! И... он смотрит на меня!

Все обернулись. Шарик и правда слегка мерцал, будто подмигивал.

— Не трогай! — хором крикнули Кощей и Карна.

Лихо виновато моргнуло:

— Простите. Я просто хотел помочь.

Кощей быстро подхватил шарик, сунул его обратно в шка-
тулку и захлопнул крышку с таким звуком, будто запирал
очень упрямого демона.

— Это «Глаз наблюдения», — буркнул он. — Он любит
следить. Иногда слишком.

Мстислав прикрыл глаза ладонью:

— Мы пытаемся спасти луну. У нас есть стабилизатор,
лунная роса и... и шарик, который смотрит.

— И слово правды, — напомнил Кощей. — Без него кри-
сталл не работает.

Все переглянулись.

— Кто скажет слово правды? — спросил Чур, доставая
тетрадь. — Желательно что-то значимое.

Триединая Богиня тихо произнесла:

— Правда в том, что я очень боюсь, что времена года по-
ссорятся навсегда.

Кристалл в руке Кощей слабо вспыхнул.

— Подходит, — кивнул Кощей. — Это искренне.

Он капнул на кристалл каплю лунной росы из пузырька.
Кристалл засиял ярче, и в комнате вдруг стало светлее —
будто само пространство решило поддержать их.

— Теперь главное, — прошептал Кощей. — Нужно на-
править энергию туда, где луна была спрятана. К бочке. Или
к полотну. Или... куда-то между.

В этот момент помощник скомороха тихо всхлипнул:

— Я знаю, где она. Я не хотел, честно! Но я видел, как заклинание... как оно тянулось. Оно ушло в сторону старого колодца за мельницей. Там всегда странно пахнет.

Карна посмотрела на него так, что он сжался, но продолжил:

— Там есть люк. Под ним... что-то.

Кощей кивнул, будто всё встало на свои места:

— Подземный карман реальности. Туда иногда прячут вещи, которые не хотят, чтобы их нашли. Или которые сами не хотят быть на виду.

Мстислав поправил манжету:

— Значит, идём к колодцу. И на этот раз... без лишних артефактов, ладно?

— Обещаю, — сказал Кощей. — Только стабилизатор. И, может быть, ещё один пузырьёк... на всякий случай.

Старый колодец за мельницей выглядел так, будто был старше самого Яснобора. Каменные кольца потемнели от времени, а цепь, свисавшая вниз, звенела так, будто рассказывала истории тем, кто умел слушать.

Люк, о котором говорил помощник, был прикрыт досками и замаскирован пучками сухой травы. Когда Чур откинул доски, все увидели в земле круглый проём, уходящий вниз, в темноту, которая казалась слишком густой для обычного подвала.

— Тут пахнет магией и старыми носками, — пробормотал

Варлаам.

— Это запах нестабильной реальности, — важно пояснил Кощей.

Карна встала у края люка, посмотрела вниз и сказала:

— Спускаемся. По одному. И держитесь друг за друга.

— Особенно за Лихо, — буркнул Чур. — Чтобы оно ничего не уронило.

Лихо обиженно моргнуло:

— Я стараюсь!

Спуск был крутым и узким. Стены были покрыты странными символами, которые мерцали, когда кто-то проходил мимо, будто пытались что-то сказать, но не могли подобрать слова.

Внизу оказался небольшой круглый зал, выложенный камнем. А в самом центре, на каменном пьедестале, лежала луна. Не вся, конечно. А как будто её уменьшенная копия — серебристая, полупрозрачная, с тонкими трещинами, похожими на вены. Она слабо пульсировала, будто дышала.

Триединая Богиня ахнула и бросилась вперёд, но Карна её удержала:

— Осторожно! Это не просто луна. Это... капсула реальности. Если тронуть не так — она может лопнуть. И тогда вместо одной пропавшей луны у нас будет тысяча лунных осколков, и каждый будет делать своё дело.

Кощей подошёл ближе, держа в руке кристалл. Тот сиял так ярко, что освещал весь зал.

— Вот оно, — прошептал он. — Стабилизатор должен сработать. Но нужно правильно синхронизировать.

Он положил кристалл рядом с луной. Кристалл и луна на мгновение замерли, будто приглядывались друг к другу. Потом кристалл тихо зазвенел, луна ответила едва уловимым эхом, и между ними протянулась тонкая серебристая нить света.

— Работает, — выдохнул Кощей. — Теперь нужно слово правды. То самое.

Триединая Богиня подошла ближе, посмотрела на луну так, будто видела в ней старого друга, и тихо сказала:

— Прости меня. Я слишком волновалась. Но я люблю этот мир. И хочу, чтобы он оставался таким, какой он есть.

Луна дрогнула. Трещины на ней начали медленно затягиваться. Свет становился ярче, и вдруг... зал озарился мягким, знакомым сиянием.

А потом всё пространство вокруг вздрогнуло. Стены задрожали, символы на них вспыхнули и погасли, и в следующий миг все оказались не в подземном зале, а на Театральной площади Яснобора.

Над городом снова висела луна. Настоящая. Большая. Спокойная. И она не подмигивала. Она просто была.

Толпа на площади ахнула. Кто-то заплакал от счастья. Кто-то начал смеяться. Пекарь поднял руки к небу и закричал:

— Тесто будет подниматься! Капуста помирится с морко-

вью! Винегрет спасён!

Варлаам хлопнул себя по колену:

— А я знал, что всё будет хорошо! Я даже медовуху приготовил!

Мстислав Барон посмотрел на небо, потом на Кощея и тихо произнёс:

— Вы знаете, иногда мне кажется, что если бы Фандорин видел это расследование, он бы просто сел и написал мемуары под названием «Как я перестал бояться магии и полюбил коллекционеров».

Кощей чуть улыбнулся:

— Пусть напишет. Я даже дам ему один артефакт для вдохновения. Но только не тот, который смотрит.

Лихо обняло помощника скомороха и прошептало:

— Всё хорошо. Ты хотел удивить город. Ты удивил. Теперь давай удивлять чем-нибудь попроще. Например, новым рецептом пирога.

Помощник всхлипнул, но уже от радости:

— Договорились.

Карна посмотрела на небо, на город, на своих спутников — и впервые за всю ночь чуть заметно улыбнулась:

— Порядок восстановлен. Но если кто-то ещё захочет устроить «сюрприз»... я буду знать, к кому идти.

И Яснобор, освещённый луной, снова стал самим собой — шумным, немного нелепым, но любимым.

Глава 6. «Кощей и дело о слишком наблюдательном артефакте»

После триумфального возвращения луны в Ясноборе наступила такая тишина, что даже куры на минуту перестали кудахтать — будто пытались осознать, что теперь можно снова жить по расписанию. А потом, разумеется, кудахтанье вернулось с удвоенной силой, потому что куры тоже любят драматизировать.

Кощей шёл по улице, сжимая в руке ту самую шкатулку, из которой выкатился «Глаз наблюдения». Шкатулка слегка подрагивала, будто внутри кто-то пытался подсмотреть сквозь щели.

— Не смотри, — бормотал Кощей, прижимая шкатулку к груди. — Тебе нельзя. Ты и так уже слишком много знаешь.

Мстислав Барон, шедший рядом, покосился на шкатулку и деликатно спросил:

— Он... сейчас смотрит?

— Да, — коротко ответил Кощей.

— На что?

— На меня.

Мстислав помолчал, потом дипломатично заметил:

— Возможно, он восхищается вашей коллекцией.

— Он видел лицо помощника скомороха, — процедил Кощей. — А это уже переходит границы восхищения. Теперь он будет узнавать его везде. Даже если помощник наденет бороду и костюм капусты.

— В Ясноборе и не такое бывает, — философски заметил Мстислав. — На прошлой неделе пекарь пришёл в трактир в фартуке, который светился в темноте. Сказал, что это «для вдохновения».

— Вот именно, — буркнул Кощей. — Поэтому мне и нужно, чтобы этот артефакт забыл. Дома у Кощея царил тот особый вид беспорядка, который бывает у людей, для которых «порядок» — это когда ты точно знаешь, в какой куче лежит проклятый свиток, а в какой — просто старый носок.

Он поставил шкатулку на стол, сел напротив неё и строго произнёс:

— Ты больше не смотришь. Ты отдыхаешь. Ты — спокойный артефакт.

Шкатулка тихонько звякнула.

— И не звени.

Тут в дверь постучали. Кощей вздохнул, открыл — и на пороге стоял Чур с тетрадью в руках и выражением лица человека, который пришёл не просто так, а «по делу».

— Акт о стабилизации небесного тела подписан и заверен, — сообщил он. — Триединая Богиня поставила печать в виде снежинки. Говорит, что это символ гармонии.

— Отлично, — кивнул Кощей. — Теперь можно выдох-

нуть.

— Нельзя, — возразил Чур. — Есть ещё вопрос.

Кощей прикрыл глаза:

— Какой?

— Шкатулка.

Кощей посмотрел на шкатулку. Шкатулка, кажется, посмотрела на Чура.

Чур невозмутимо записал в тетрадь: «Артефакт проявляет признаки осознанного интереса к окружающим».

— Это не осознанный интерес, — огрызнулся Кощей. — Это дефект производства.

— У всех твоих артефактов дефекты производства, — спокойно заметил Чур. — Но обычно они не запоминают лица.

В этот момент в дом ворвалось Лихо. Оно влетело так стремительно, что по пути успело задеть полку с пузырьками, сбить с крючка связку сухих трав и всё-таки не уронить ничего по-настоящему опасного — что для Лихо было почти чудом.

— Кощей! — закричало оно. — Ты не поверишь! Помощник скомороха теперь ходит в капюшоне! И всё время оглядывается! Он думает, что за ним следит... ну... ты знаешь кто!

Кощей застонал и уронил голову на руки.

— Я этого не хотел. Я вообще хотел, чтобы он просто забыл, что видел мою коллекцию.

Лихо виновато моргнуло:

— Прости. Но он правда боится. Говорит, что чувствует взгляд между лопаток.

Чур сделал ещё одну пометку: «Психологический эффект артефакта: вызывает паранойю у третьих лиц».

Кощей встал, прошёлся по комнате, потом резко остановился и щёлкнул пальцами:

— Знаю! Есть один способ. В моей коллекции есть «Плащ забвения». Он не делает невидимым. Он делает... незаметным. То есть ты есть, но все думают: «А, это опять тут стоит. Наверное, вешалка».

— Звучит как мечта интроверта, — задумчиво протянул Чур.

— Именно, — кивнул Кощей. — Я надену его, подойду к помощнику и скажу: «Не бойся. Это просто артефакт. Он никого не преследует». И всё будет хорошо.

Лихо с сомнением посмотрело на него:

— А если плащ не сработает?

— Тогда я просто скажу это громко, чтобы все слышали. И город поймёт, что никакой угрозы нет.

Чур кивнул:

— Логично. Публичное опровержение снижает уровень паники на 37 процентов. Проверено на случае с «огненным петухом».

«Плащ забвения» оказался тёмно-серого цвета, слегка пушистым и подозрительно напоминал старую штору, которую

кто-то решил носить на плечах. Кощей накинул его, посмотрел на себя в зеркало — и не увидел. То есть он там был, но взгляд просто соскальзывал, как с мокрого камня.

— Работает, — удовлетворённо пробормотал он.

— Почти, — поправил Чур, глядя прямо на него. — Просто я привык замечать то, что стараются не замечать.

Лихо восторженно кружилось вокруг:

— Ты как будто есть, и тебя как будто нет! Это магия!

— Это халатность производителя, — буркнул Кощей. — Пошли.

Помощник скомороха обнаружился на рыночной площади. Он стоял, втянув голову в плечи, и вздрагивал каждый раз, когда мимо пробежала кошка.

Кощей подошёл к нему, стараясь выглядеть максимально безобидно (что для Кощейа было почти подвигом), и тихо сказал:

— Эй. Не бойся. Это просто артефакт. Он не злой. Он просто любопытный. Как ребёнок, который всё трогает. Только трогает взглядом.

Помощник медленно поднял голову, увидел Кощейа — и вдруг расплылся в улыбке:

— О! Это ты! А я думал, за мной следит... ну, ты знаешь кто.

— Никто не следит, — успокоил его Кощей. — Ну, почти никто.

Тут Лихо, которое не смогло удержаться от желания быть

полезным, радостно подпрыгнуло и случайно толкнуло тележку с яблоками. Тележка покатилась, яблоки посыпались, и одно из них ударило помощника прямо в лоб.

— Ай! — вскрикнул помощник.

— Прости! — запищало Лихо. — Я просто хотел показать, что тут всё нормально!

Помощник потёр лоб, посмотрел на Лихо, потом на Кошю, потом на яблоки, которые теперь лежали в живописном беспорядке, и вдруг рассмеялся:

— Знаете... я думаю, если за мной и следит какой-то артефакт, то он точно не страшнее Лихо.

Кошей чуть заметно улыбнулся:

— Справедливо.

Вернувшись домой, Кошей снял «Плащ забвения», аккуратно повесил его на крючок (который тут же стал выглядеть как обычный гвоздь) и сел на стул, чувствуя, что день наконец-то можно считать завершённым.

Но тут шкатулка снова тихонько звякнула.

Кошей посмотрел на неё. Шкатулка чуть дрогнула, будто пыталась выглянуть краем.

— Нет, — строго сказал Кошей. — Никаких новых наблюдений. Сегодня день тишины.

Шкатулка помолчала. Потом тихонько вздохнула — или это просто скрипнули петли.

В дверь снова постучали. На пороге стоял Варлаам с большой кружкой медовухи и видом человека, который пришёл

не просто в гости, а чтобы «обсудить ситуацию».

— Ну что, — сказал он, протягивая кружку. — Луна на месте. Город дышит. А у тебя, я вижу, опять что-то происходит.

Кощей взял кружку, сделал глоток и спокойно ответил:

— Ничего не происходит. Просто один артефакт слишком много думает.

— Бывает, — кивнул Варлаам. — У меня в трактире одна ложка три дня подряд лежала не на своём месте. Я уже начал подозревать, что она строит заговор.

Кощей хмыкнул:

— Ложки — это ещё ничего. Вот когда шкатулка начинает подмигивать...

— Главное, чтобы не предлагала советы, — серьёзно сказал Варлаам. — Артефакты, которые дают советы, — это уже перебор.

Они посидели немного в тишине, слушая, как за окном город возвращается к обычной жизни: где-то смеялись, где-то спорили, где-то пекарь, наверное, снова объяснял, почему тесто сегодня «не в настроении».

А шкатулка больше не звякала. Может, устала. А может, просто поняла, что сегодня никто не собирается устраивать новых сюрпризов.

И Яснобор, освещённый луной, снова жил своей обычной, немного сумасшедшей, но такой родной жизнью.

Глава 7. «Мстислав Барон и Великий Проект Порядка, или Почему в Ясноборе нельзя просто „сделать красиво“»

Мстислав Барон стоял на Театральной площади, держа в руках свиток, перевязанный шёлковой лентой цвета слоновой кости. Лента, впрочем, уже слегка обмахрилась по краям — Яснобор не терпел излишней элегантности и быстро её смирял.

В свитке был «План по наведению светского порядка в городе Яснобор». Мстислав составлял его три ночи подряд, при свете свечи, с пером, которое то и дело царапало бумагу, будто само было против любых перемен.

План начинался с малого:

Установить единый стиль вывесок.

Запретить споры о винегрете после заката.

Ввести «час тишины» — чтобы можно было услышать собственные мысли (или хотя бы скрип половиц).

Провести бал.

Именно пункт 4 вызывал у Мстислава лёгкое беспокойство. Бал — это как попытка уложить шторм в салфетку: красиво звучит, а на деле — сплошные брызги.

Первым, кто подошёл к Мстиславу, был местный портной Агафон. Он носил на себе сразу три жилета — на случай, если один вдруг окажется «недостаточно выразительным».

— Слышал, вы хотите порядок навести, — прошептал

Агафон, оглядываясь, будто порядок мог подкрасться и схватить его сзади. — А что будет с моим стилем?

— Стилём останется, — вежливо ответил Мстислав. — Но, возможно, станет чуть... менее многослойным.

Агафон побледнел:

— Это как дышать через одну ноздрю. Возможно, но морально тяжело.

Тут к ним подскочило Лихо, которое, как всегда, двигалось по сложной траектории: сначала в одну сторону, потом в другую, потом по кругу, и только потом — к цели.

— Мстислав! — закричало оно. — Я хочу помочь! Я могу... ну... я могу стоять у входа и говорить гостям: «Добро пожаловать на бал!»

Мстислав мягко улыбнулся:

— Ты можешь. Но постарайся не ронять канделябры.

— Я постараюсь! — с энтузиазмом воскликнуло Лихо. — Хотя... если я всё-таки уроню, это можно назвать «художественным жестом»?

— Нельзя, — строго сказал Мстислав.

Следом появилась Карна. Она шла так, будто сама была законом, и закон этот был суров, но справедлив.

— Бал, — произнесла она, словно пробуя слово на вкус. — Это хорошо. Но если кто-то начнёт выяснять отношения с помощью веера — я буду рядом.

Мстислав вздохнул:

— Спасибо. Это... ободряюще.

Подготовка шла полным ходом. Пекарь пёк пирожные, которые, по его словам, «должны были вызывать у гостей чувство достоинства». Варлаам подбирал медовуху «для благородных особ» — то есть чуть менее крепкую, чем обычно. Кощей, к удивлению всех, согласился предоставить для бала один из своих артефактов — не опасный, а «чисто декоративный»: хрустальный шар, который показывал не будущее, а только погоду. И то с оговорками.

— Он иногда предсказывает дождь в закрытых помещениях, — предупредил Кощей. — Но это редкость.

— Будем надеяться, что на балу дождя не будет, — кивнул Мстислав.

А потом пришёл местный «Фандорин». Он был в плаще и шляпе, даже несмотря на то, что в зале было тепло.

— Тут что-то нечисто, — прошептал он, оглядывая зал. — Слишком много симметрии. Это неестественно для Яснобора.

Мстислав поправил манжету:

— Симметрия — это основа порядка.

Фандорин покачал головой:

— В Ясноборе порядок — это когда всё немного криво, зато честно.

И тут началось.

Сначала помощник скомороха, вдохновлённый идеей «сделать красиво», развесил по залу бумажные звёзды. Всё

бы ничего, но звёзды были на длинных нитях, и стоило кому-то пройти мимо, как звёзды начинали кружиться, становиться и издавать звуки, похожие на шёпот заговорщиков.

Потом пекарь решил, что пирожные должны быть не просто вкусными, а «со смыслом». Он украсил их надписями из глазури: «Будь смелее», «Не спорь с Варлаамом», «Помни о луне». Гости, увидев пирожные, начали спорить, какая надпись относится к кому.

— Это мне! — кричал кузнец, тыча пальцем в пирожное с надписью «Будь смелее». — Я каждый день с огнём работаю!

— А это мне, — возражал пекарь. — Потому что я каждый день спорю с тестом!

Карна, наблюдавшая за этим, вздохнула:

— Кажется, пункт «запретить споры после заката» придётся перенести на начало вечера.

Мстислав стоял у входа, пытаясь сохранять спокойствие. Он встречал гостей, произносил вежливые фразы, кивал, улыбался, а про себя думал: «Я всего лишь хотел, чтобы было красиво. Почему это так сложно?»

И тут в зал вошла новая героиня — госпожа Улита, городская советница по вопросам эстетики. Она была одета в платье, которое переливалось всеми цветами радуги, и при каждом шаге издавало лёгкий звон, будто внутри платья пряталась маленькая музыкальная шкатулка.

— Ах, какой чудесный хаос! — воскликнула она, оглядывая зал. — Именно так и должен выглядеть идеальный поря-

док в Ясноборе!

Мстислав моргнул:

— Простите... что?

— Порядок — это не когда всё одинаково, — объяснила госпожа Улита. — Порядок — это когда каждый знает своё место... даже если это место — под люстрой, рядом с падающей звездой.

В этот момент одна из звёзд действительно сорвалась с нити, пролетела по дуге и приземлилась прямо на плечо местному библиотекарю, который до этого тихо сидел в углу и пытался читать книгу под названием «Как не привлекать внимания к себе на балах».

Библиотекарь поднял глаза, посмотрел на звезду, потом на Мстислава и спокойно произнёс:

— Кажется, я привлёк внимание.

Лихо тут же бросилось к нему:

— Прости! Я сейчас всё поправлю!

И, разумеется, задело локтем поднос с пирожными. Поднос покачнулся, пирожные взлетели в воздух, и на секунду зал замер, наблюдая за этим маленьким кулинарным апокалипсисом.

Пирожные приземлились удачно: одно — на стол, два — на колени кузнецу, а одно — прямо в руки Мстиславу. На нём была надпись: «Не переживай. Всё идёт как надо».

Мстислав посмотрел на пирожное, потом на зал, где люди смеялись, спорили, помогали друг другу стряхивать звёзды

и пирожные, и вдруг почувствовал, как напряжение уходит.

Он поднял руку, дождался, пока в зале станет чуть тише, и сказал:

— Знаете... возможно, я ошибался. Возможно, порядок — это не про симметрию. Возможно, порядок — это про то, что даже когда всё идёт наперекосяк, город остаётся собой. И это... тоже красиво.

Госпожа Улита улыбнулась:

— Вот это и есть настоящая светская мудрость.

Кощей, стоявший в углу с хрустальным шаром, хмыкнул:

— Шар только что предсказал дождь. В зале. Но я думаю, мы переживём.

Варлаам поднял кружку:

— За порядок, который не мешает жить!

Все подняли свои кружки, бокалы, чашки и даже одно ведёрко (его держал Лихо, потому что оно было самое большое).

И в этот момент, когда все уже готовы были произнести тост, в зал ворвался помощник скомороха. Он был бледен, глаза у него горели, а в руке он сжимал свиток.

— Там! — выкрикнул он. — На площади! Что-то происходит!

Все переглянулись. Даже Мстислав, который только что решил, что с порядком покончено, снова выпрямился и поправил манжету.

— Что именно?

— Не знаю! — пролепетал помощник. — Но там... там кто-то пытается установить правила!

На площади действительно стоял незнакомец в строгом костюме, с папкой под мышкой и выражением лица человека, который уверен, что мир станет лучше, если все будут стоять по линейке.

Рядом с ним была табличка: «Проект „Идеальный Яснобор“».

Мстислав медленно вышел на площадь, посмотрел на незнакомца, на табличку, на своих друзей, которые выстроились за его спиной, словно отряд защитников хаоса, и тихо произнёс:

— Ну что ж. Кажется, наш порядок снова под угрозой.

Кощей хмыкнул:

— Люблю, когда день не проходит скучно.

Карна скрестила руки:

— Пусть только попробует запретить споры о винегрете.

Лихо радостно подпрыгнуло:

— Ура! Новое приключение!

А Мстислав вдруг улыбнулся — впервые за весь вечер искренне и свободно.

— Ладно, — сказал он. — Давайте покажем ему, что такое настоящий Яснобор.

Глава 8. «Фандорин и дело о человеке без плаща, или Когда стиль — это улика»

Местный «Фандорин» стоял в тени арки, прикрывая ладонью глаза от света фонаря — не потому что слепило, а потому что так полагалось настоящему сыщику: загадочно, с намёком на внутреннюю борьбу. В другой руке он сжимал блокнот, страницы которого уже трещали по швам от обилия заметок вроде: «Петух посмотрел влево — подозрительно», «Варлаам слишком громко вздохнул — возможно, скрывает тайну» и «Помощник скомороха уронил ложку — случайность или отвлекающий манёвр?».

А тут ещё этот незнакомец. Человек без плаща.

Фандорин содрогнулся при одной мысли. В Ясноборе плащ — это не просто одежда. Это язык. Это статус. Это способ сказать миру: «Я либо прячу что-то, либо готов к приключениям». А этот тип в строгом костюме, с папкой и взглядом, будто он знает, как правильно дышать... Он нарушал саму эстетику города.

— Чур, — прошептал Фандорин, подзывая к себе Чура, который как раз проходил мимо, ведя учёт всех падающих листьев (это был его новый метод: «Если листья падают

несимметрично — значит, в воздухе витает заговор»). — Ты видел его?

Чур кивнул, не отрываясь от блокнота:

— Видел. Записал. Пункт 147: «Незнакомец без верхней одежды, противоречащей традициям».

— Именно! — выдохнул Фандорин. — Это не просто человек. Это... аномалия.

В этот момент мимо пробежало Лихо. Оно, как всегда, двигалось по сложной траектории: сначала врезалось в стену, потом в столб, потом в собственные ноги, и только потом — в Фандорина.

— Ой! Прости! — запищало оно. — Я просто хотел узнать, ты уже раскрыл дело?

— Почти, — строго сказал Фандорин. — Но мне нужны свидетели.

Лихо тут же выпрямилось, стараясь выглядеть максимально серьёзным (что с его вечной неловкостью выглядело как попытка стоять ровно при землетрясении):

— Я свидетель! Я видел, как он... ну... стоял. И папку держал. Очень крепко.

— Это уже кое-что, — пробормотал Фандорин.

Первым делом Фандорин решил проверить алиби незнакомца. Для этого он отправился к пекарю — ведь в Ясноборе все что-то знают, а пекарь знает всё, потому что люди приходят за хлебом и случайно рассказывают свои тайны.

Пекарь как раз вынимал из печи буханку, которая пахла

так, что даже подозрения начинали казаться менее серьёзными.

— Пекарь, — начал Фандорин торжественно. — Ты видел этого человека? Того, что без плаща?

Пекарь почесал нос, посмотрел на буханку, будто она могла подсказать, и кивнул:

— Видел. Он спрашивал, есть ли у меня «хлеб, соответствующий стандартам».

Фандорин побледнел:

— Что значит «соответствующий стандартам»? Хлеб не должен соответствовать стандартам! Он должен быть... живым! С характером!

— Вот и я ему сказал, — буркнул пекарь. — А он посмотрел на меня так, будто я предложил ему съесть облако.

Чур тут же записал: «Подозреваемый не понимает природу хлеба».

Следующим пунктом был трактир Варлаама. Варлаам, как известно, был главным хранителем городских сплетен и умел слышать шёпот даже сквозь грохот посуды.

— Он заходил, — подтвердил Варлаам, протирая кружку с таким видом, будто это был артефакт древней цивилизации. — Заказал... воду. Без мёда. Без пряностей. Просто воду.

Фандорин закрыл глаза:

— Это хуже, чем если бы он заказал яд.

— Согласен, — кивнул Варлаам. — Я даже подумал, не

подменить ли ему кружку на медовуху «для общего блага». Но потом решил: пусть сам выбирает свою судьбу.

Тут в трактир ворвалось Лихо, по пути успев задеть полку с глиняными кувшинами. Кувшины звякнули, но не разбились — для Лихо это был почти рекорд.

— Фандорин! — закричало оно. — Я нашёл улику!

Все обернулись. В руке у Лихо была... пуговица. Обычная медная пуговица, слегка потёртая.

— Где ты её взял? — спросил Фандорин.

— У него на полу в палатке валялась! — радостно ответило Лихо. — Ну, не совсем в палатке... у его стенда. Я просто мимо проходил... и наклонился... и она сама прыгнула в руку!

Чур вздохнул и записал: «Улика получена методом „Лихо и гравитация“».

Тем временем Мстислав Барон, который уже смирился с тем, что «порядок» в Ясноборе — это когда хаос хотя бы не кусается, подошёл к незнакомцу и вежливо поклонился:

— Простите за беспокойство, но... не могли бы вы объяснить, почему вы не носите плащ?

Незнакомец посмотрел на него так, будто Мстислав спросил, почему он дышит.

— Плащ не входит в утверждённый дресс-код проекта «Идеальный Яснобор», — сухо ответил он. — Плащи нефункциональны. Они мешают двигаться.

Мстислав чуть не вздрогнул. В его мире «мешают двигаться»

сы» было почти ругательством.

— Но плащ — это... философия, — попытался он объяснить. — Это способ сказать: «Я готов ко всему».

— К чему именно? — нахмурился незнакомец. — К дождю? Для этого есть зонт. К ветру? Для этого — капюшон. Плащ — это пережиток.

В этот момент из-за угла выскочил Кощей. Он был в своём любимом плаще — чёрном, длинном, с подкладкой, которая, по слухам, могла менять цвет в зависимости от настроения владельца (а настроение у плаща было капризное).

— Слышу, тут критикуют плащи, — процедил он. — А между прочим, в моём плаще однажды спряталась целая библиотека. Маленькая, но гордая.

Незнакомец посмотрел на Кощея, потом на папку, потом снова на Кощея — и, кажется, впервые за всё время чуть растерялся.

— Библиотека... в плаще?

— Да, — коротко ответил Кощей. — И она до сих пор там. Иногда шуршит.

Мстислав тихо вздохнул:

— Думаю, мы нашли слабое место подозреваемого.

Фандорин тем временем решил провести «следственный эксперимент». Он собрал команду: Чура (для фиксации фактов), Лихо (для создания хаоса, который поможет выявить реакцию), и Триединую Богиню (потому что, если что-то пойдёт не так, ей проще договориться с силами природы).

Они подошли к незнакомцу, когда тот как раз прикреплял к столбу новую табличку: «Зона тишины. Разговоры не приветствуются».

Фандорин кашлянул, стараясь звучать максимально внушительно:

— Гражданин... э-э... без имени, позвольте задать несколько вопросов.

— Моё имя — Господин Регламент, — сухо ответил тот. — И я здесь, чтобы навести порядок.

— Порядок, — протянул Фандорин. — А что вы понимаете под порядком?

— Отсутствие хаоса. Предсказуемость. Единые стандарты.

Триединая Богиня тихо прошептала:

— Даже времена года не хотят быть предсказуемыми. Весна иногда приходит слишком рано, осень — слишком поздно. Это жизнь.

Господин Регламент посмотрел на неё так, будто она предложила ему построить дом из тумана.

И тут Лихо, которое до этого старалось стоять смирно (и у которого от этого начинались судороги), не выдержало. Оно подпрыгнуло, махнуло рукой, задело табличку, и табличка, описав красивую дугу, приземлилась прямо на шляпу кузнеца, который как раз проходил мимо.

Кузнец замер, посмотрел на шляпу, на табличку, потом на Господина Регламента — и рявкнул:

— Зона тишины?! Да я сейчас так закричу, что даже камни в реке будут шептаться!

Господин Регламент побледнел.

Фандорин сделал шаг вперёд и тихо произнёс:

— Видите ли, в Ясноборе порядок — это когда каждый знает своё место. Кузнец — куёт. Пекарь — печёт. Лихо — роняет. А плащ... плащ просто есть. И если вы не понимаете этого, значит, вы не понимаете Яснобора.

Господин Регламент сжал папку так, что она захрустела.

— Вы мешаете прогрессу, — процедил он.

— Мы защищаем душу города, — спокойно ответил Мстислав. — А душа, знаете ли, не любит стандартов.

Кощей хмыкнул:

— Зато она любит плащи.

Кульминация наступила, когда Господин Регламент попытался ввести «единый стандарт приветствия». Он написал на доске: «Рекомендуемая форма: „Добрый день. Как Ваши дела?“» — и повесил её на видном месте.

Через пять минут доска исчезла.

Её нашли в трактире Варлаама — на ней кто-то написал мелом: «А если я не добрый? А если у меня дела плохо?» — и под этим стояла подпись: «Кузнец».

Под этим же кто-то приписал: «И ещё я уронил щипцы. Опять.» — и подпись: «Лихо».

А внизу, самым красивым почерком, было выведено: «Порядок — это когда даже ошибка становится частью исто-

рии». И подпись: «Мстислав Барон».

Господин Регламент смотрел на доску, и в его глазах постепенно исчезала уверенность.

Фандорин подошёл к нему, достал из кармана... маленький плащик. Игрушечный, но с настоящей пуговицей.

— Возьмите, — тихо сказал он. — Не для того, чтобы вы его носили. А для того, чтобы поняли: иногда порядок — это не когда всё одинаково. А когда всё... на своём месте. Даже если это место — под люстрой, рядом с падающей звездой.

Господин Регламент взял плащик. Повертел в руках. Потом тихо спросил:

— А если я надену его... город перестанет на меня сердиться?

Мстислав мягко улыбнулся:

— Город не сердится. Он просто... проверяет.

Варлаам протянул ему кружку медовухи:

— Попробуй. Это тоже часть стандарта. Только неофициального.

Господин Регламент сделал глоток. Постоял. Потом посмотрел на небо, на людей, на кузнеца, который размахивал щипцами и кричал: «Я их нашёл!», на Лихо, которое пыталось помочь и только мешало, на Кощея, который стоял в тени и выглядел так, будто знает все тайны мира, но никому их не расскажет...

И вдруг он улыбнулся. Впервые по-настоящему.

— Знаете... — медленно произнёс он. — Возможно, я...

немного ошибся.

Фандорин кивнул, как будто именно этого и ждал:

— Иногда самое сложное дело — это понять, что не нужно ничего исправлять.

Вечером, когда город уже погружался в уютный полумрак, Фандорин сидел на лавочке, пил травяной чай и смотрел, как над Яснобором снова светит луна — спокойная, привычная, родная.

К нему подсел Чур и протянул блокнот:

— Вот. Я составил список всех несоответствий, которые мы сегодня нашли.

Фандорин посмотрел на список. Там было сто страниц. И на каждой — мелочи, из которых и складывался Яснобор.

Он закрыл блокнот и тихо сказал:

— Знаешь, Чур... иногда самое важное несоответствие — это то, которое делает мир живым.

Чур хмыкнул, но в глазах у него мелькнуло что-то похожее на улыбку:

— Ладно. Но я всё равно буду вести учёт. На всякий случай.

А где-то в городе Лихо пыталось аккуратно поставить на место упавшую вывеску. Вывеска снова упала. Лихо вздохнуло, посмотрело на неё, потом на небо — и вдруг рассмеялось:

— Ну вот. Теперь она висит криво. Зато честно.

И Яснобор, слегка нелепый, немного шумный, но беско-

вечно родной, продолжал жить своей жизнью — такой, какой и должен был жить.

Глава 9. «Кощей и Дело о Слишком Идеальном Дне, или Как Порядок Чуть Не Съел Сам Себя»

Кощей сидел на табурете посреди своей коллекции и хмуро смотрел на маленький бронзовый ящичек с аккуратной табличкой: «Не трогать. Особенно в понедельник. И вообще».

Ящичек, разумеется, подмигивал. Не буквально, конечно, но у Кощея от его вида начинало дёргаться левое веко — а это в его деле почти то же самое.

— Ты меня искушаешь, — буркнул Кощей. — А я не люблю искушаться. Я люблю... ну, хотя бы не устраивать апокалипсисов до обеда.

Но мысль уже вцепилась в него, как Лихо в новую идею: крепко, с энтузиазмом и без оглядки на последствия.

«А что, если... — крутилось в голове. — Что, если хоть один день в Ясноборе будет... идеальным? Без падающих вывесок. Без внезапных дождей в закрытых помещениях. Без того, чтобы ложка вдруг решила, что она — артефакт, и начала шептать предсказания».

Он вздохнул, почесал затылок, потом решительно схватил ящичек.

— Ладно. Один день. Идеальный. Пусть город поймёт, чего он лишается.

Артефакт назывался «Модуль идеальной упорядоченности, версия 1.2 (с гарантией, что всё пойдёт не по плану)». На крышке было выжжено: «Использовать только в присутствии юриста, мага и кого-нибудь, кто умеет быстро бегать».

Кощей хмыкнул.

— Ну, юрист у нас отсутствует. Маг — это я, хоть и сомнительный. А быстро бегать... да тут весь город бегают, особенно когда Лихо рядом.

Он повернул маленький рычажок. Раздался тихий, почти вежливый щелчок. И ещё один — чуть громче. И третий, который прозвучал так, будто реальность поёжилась и сказала: «Ну вот. Опять».

Утро началось подозрительно хорошо.

Петух пропел ровно в шесть. Ни минутой раньше, ни минутой позже. Даже интонация была... правильной. Как будто он репетировал.

Пекарь вышел из дома, аккуратно закрыл дверь, не уронил ни одной крошки и сказал:

— Сегодня тесто ведёт себя... прилично.

Лихо, которое обычно просыпалось, врезавшись в дверной косяк, на этот раз просто открыло глаза, посмотрело по сторонам и тихо прошептало:

— Что-то не так.

Карна шла по улице и вдруг поняла, что... никто не спо-

рит. Ни о винегрете. Ни о луне. Ни даже о том, чья очередь подметать площадь.

Она остановилась, нахмурилась, достала из-за пояса небольшой металлический предмет, похожий на брелок, и потрясла его. Предмет не издал ни звука.

— Это ненормально, — сказала Карна.

Мстислав Барон, который как раз выходил из дома, поправил манжету, посмотрел на небо, на улицу, на пекаря, который улыбался и кивал, и тихо произнёс:

— Я боюсь спросить, но... что случилось?

Тут из переулка вышел Фандорин. В шляпе. В плаще. С блокнотом. Но без привычной тревоги во взгляде.

— Странное дело, — прошептал он. — У меня нет ни одной подозрительной улики.

Чур, шедший рядом, кивнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.